

Савелова Любовь Анатольевна

ТЕМАТИЧЕСКИЕ ДОМИНАНТЫ СЕВЕРНОРУССКОЙ ДИАЛЕКТНОЙ РЕЧИ В ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПРЕДСТАВЛЕНИИ

В статье дается представление о тематических доминантах, формирующих фактуальный уровень диалектной речи. Обосновывается возможность выделения в художественном тексте такого типа диалектизмов, как дискурсивно-тематические. Они одновременно соотнесены с элементами живой народной речи и подчинены эстетическим установкам автора, что предопределяет специфику их содержательно-прагматической природы. Данные диалектизмы органично включаются в поле взаимодействия двух векторов мировидения, поскольку входят в систему средств создания индивидуально-авторской картины мира, которая специфическим образом высвечивает константы диалектной картины мира.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2013/3-1/43.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 3 (21): в 2-х ч. Ч. I. С. 154-157. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2013/3-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

УДК 811.161.1'282.2:81'42

Филологические науки

В статье дается представление о тематических доминантах, формирующих фактуальный уровень диалектной речи. Обосновывается возможность выделения в художественном тексте такого типа диалектизмов, как дискурсивно-тематические. Они одновременно соотносены с элементами живой народной речи и подчинены эстетическим установкам автора, что предопределяет специфику их содержательно-прагматической природы. Данные диалектизмы органично включаются в поле взаимодействия двух векторов мировидения, поскольку входят в систему средств создания индивидуально-авторской картины мира, которая специфическим образом высвечивает константы диалектной картины мира.

Ключевые слова и фразы: русский язык; диалектная речь; тематическая доминанта; художественный текст; дискурсивно-тематический диалектизм.

Савелова Любовь Анатольевна, д. филол. н., доцент

Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова (филиал) в г. Северодвинске
savelova.lub@yandex.ru

ТЕМАТИЧЕСКИЕ ДОМИНАНТЫ СЕВЕРНОРУССКОЙ ДИАЛЕКТНОЙ РЕЧИ В ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПРЕДСТАВЛЕНИИ[©]

Диалектная речь имеет принципиально дискурсивный характер. Она разворачивается во времени и продуцируется ограниченным количеством участников коммуникации (в рамках конкретного говора в определенный период его функционирования).

Организация диалектной речи регулируется рядом факторов. К важнейшим из них относится продолжительность, охарактеризованная В. Е. Гольдиным как одно из фундаментальных свойств сельского общения – «диалект реализуется в текстовых образованиях, которые правильно было бы назвать *продолженными*: в континууме общения они не получают полной формальной и содержательной завершенности и репрезентируют миры (или относительно самостоятельные фрагменты мира), к которым говорящие вновь и вновь возвращаются в коммуникации, совершенно так же возобновляя и продолжая развитие того или иного текста, как возобновляют работу, временно оставленную ради других дел» [5, с. 66].

С продолженностью диалектных текстовых образований теснейшим образом связано наличие тематических доминант в повседневном сельском общении. Ключевые темы, формирующие фактуальный уровень речи диалектоносителей, являются своего рода содержательными скрепами диалектного дискурса.

Понятие «диалектный текст» главным образом используется как операционное для обозначения аутентичной и точной записи фрагмента диалектной речи, «содержание которой в основном исходит не со стороны исследователя, а иногда является фиксацией спонтанного разговора двух компетентных информантов» [11, с. 30]. В таком понимании диалектные тексты могут быть истолкованы как своего рода застывшие фрагменты (индивидуальные, хронологические и ситуативные срезы) диалектного дискурса.

Устная форма бытования народных говоров обуславливает невозпроизводимость диалектного текста в естественных условиях его функционирования. Однако, подвергаясь иносистемному освоению (и в частности, литературно-художественному), такие текстовые образования становятся воспроизводимыми и при этом не утрачивают полностью своей способности эксплицировать особенности разных форм традиционного сельского общения. А значит, могут составлять предмет дополнительного изучения не только стилистики текста, но и диалектологии [6; 7; 9]. В частности, представляет интерес коррелируемость системы диалекта с системой диалектизмов и характер моделируемости последней.

Это можно проследить на материале включений в художественный текст элементов диалектной речи, воспроизводящих ее основные дискурсивные черты. Такого рода включения значимы и показательны, кроме прочего, с точки зрения их соотносительности с тематическими доминантами повседневного сельского общения.

Ведущую роль в обычном разговоре сельских жителей играют темы, связанные с жизнью человека, его физическим состоянием, эмоциональным и духовным миром, хозяйственной деятельностью и межличностными отношениями. Это фактуальный уровень традиционного сельского общения, отражающий событийный пласт крестьянской жизни. Выявление того, каким образом он представлен в художественном дискурсе, позволяет установить репрезентационную значимость данных тем. Вероятно, интересующий нас событийно-содержательный пласт может быть эксплицирован посредством своего рода тематического каркаса, моделирующего диалектный дискурс и определяющего направления его развертывания. В формировании этого каркаса участвуют следующие содержательные компоненты: темы трудной жизни, тяжелого физического труда, большой семьи, отношений с мужем/женой, сравнения прошлого и настоящего, внутреннего мира и эмоционального состояния человека, связи с природой и др.

Приведем примеры литературно-художественной реализации некоторых из указанных тем.

1. Тема трудной жизни: *Нет, батюшко, ты не должен помнить, тебя тогда и в помине не было. Когда тятю-то увезли, мы с твоей маткой еще девчонки были. Мамка без тяти осталась сама четвертая, вот меня, бедную головушку, в няньки и отдали. Ох, наревелася я! Тятю увезли, дедушко умер, мамка от темна до темна на колхозном поле. Дома без призора два малолетка, спички от их спрятали. А я-то в чужом доме, у Сквородника, и ем и ночую. Да не дают спать-то! Вставать надо вместе с солнышком. У Гудковых в зыбке годовалая девка, звали Таиской. Да ведь ты ее знаешь, на Судострое живет. В Северодвинском [2, с. 37].*

2. Тема тяжелого физического труда (часто осложнена модальным компонентом «по достоинству не оцененного»): *– Кабы в колхозе копейкой побогаче, – плаксивым голосом заговорила Аграфена, – кто бы пошел в лес, Ананий Егорович? / – А копейка-то откуда возьмется? С неба упадет? / Женщины осмелели: / – Пятнадцатый год это слышим. Я все летичко на пожне выжила – сколько заработала? [1, с. 222]; – Ловит старик, ловит, – говорила она. – Стара стала я, не могу уж с ним ездить. А по прежним временам уж я не усидела бы по такой тишинке, сто сорок сетей, батюшка мой, было... Жила и с одной коровушкой, и с двумя, и с тремя, и с четырьмя, всяко жила. А вот теперь ноги болят [10, с. 67].*

3. Тема большой семьи (как правило, раскрывается в контексте семантического поля «трудолюбие», пересекается с темой тяжелого физического труда): *Ты после седьмого класса прямоком в восьмой. Так? А я куда? А я в лес. А почто в лес? А пото, что себя кормить надо да еще мелюзгу. Отец умер, нас шестеро осталось, и я самая старшая. Вот и дали мне путевку к пню – лес возить. Это четырнадцати-то лет [1, с. 478].*

4. Темы, связанные с характеристикой внутреннего, эмоционального состояния человека, в частности темы «силы духа» и «душевного бессилия»: *– Я не знаю, не знаю, что мы за люди, – все больше и больше распалась она. – Весь век на нас какие-то прилипали да огарыши ездят. Почто? По какому праву? Почто человеками-то мы не можем быть? Катерина вчера с коровушек, с коленей на ноги встала – дак вся природность возликовала. Помнишь, какой денек-то вечер был? Солнышко, кажный листышок играет, кажная птичка жизнь славит. Вот бы рай-то и спустился с неба на землю, кабы мы людьми были. А то ведь она раз, один раз за все пятьдесят лет человеком была [Там же, с. 499].*

5. Тема сравнения прошлого и настоящего (оценочность, формирующаяся при раскрытии данной темы, может иметь разную направленность: прямую – от отрицательной оценки прошлого к положительной настоящего, обратную – от положительной оценки прошлого к отрицательной настоящего), особенно частотны и экспрессивны высказывания второго типа: *А как бывало-то мы без машины? У меня Олександрюшко рос – на войне убит, сам – на Юрове страдает, за пятнадцать верст от дому. Да я парня на руки, котомку с хлебами на спину да бегом бежу. Как настеганная бежу. А день-то отробишь, опять домой попадаешь. Парня комары раскусают – глаз не знатко. И войну тоже совесть знали. Не загорали – по-новому выжила Тихоновна. – Пройди-ко по навинам-то – еще теперь мозоли с полей не сошли. Кохозили – рубахи от пота не просыхали. А теперь все заросло. Лес вымахал – хоть на полозья гни [Там же, с. 235]; Раньше, сынок, народ-то деревенский помысленнее был, все знал, все помнил, что песню старинную взять полным голосом, что сказку рассказать, что молитву старинную, скажем, Святого Ефрема Сирина произнести в утешение страданий. Теперь же все измелчал, и сами мы какие-то людишки, а не люди. Нет в нас ни удалы, ни силы, ни ума, ни доброго сердца, ни красоты... [8, с. 30].* Рассказы литературных героев о прошлом, так же как и речь реальных жителей села, отражают тот жизненный уклад, который, по словам Т. А. Бернштам, «строился на началах обычая и порядка, в каких терминах... обозначали религиозно-(сакрально)-профанную совокупность нужд, норм, способов и форм бытия» [3, с. 331].

Относительно новой для диалекта как для репрезентанта архаических представлений о мире, но в то же время одной из ключевых для современных носителей говоров является тема пьянства. Она является художественно освоенной, раскрывается с самых разных сторон. При глубинной неоднозначности оценок пьянства, разнообразно воссоздаваемой литературными текстами, имеет место и стереотипное представление этого явления в описании жизни северных деревень: *В мгновенье ока на берегу столпились мужики. Как изпод земли выросли. Саня им «шило», они нам – бензин. Лыка не вяжут, руки трясутся. Воспользовавшись случаем, заговариваю со сторожем базы, он один здесь трезвый. Старик клянет «шило», мужиков, а заодно и Ельцина. Когда-то за прогул в Лесную Речку ссылали и там приканчивали. Неудивительно, что люди боялись. А теперь – тьфу, мать твою. Никто ничего не делает, Канал в запустении, того и гляди ряской порастет. Я пытаюсь возразить – мол, столько жертв, да и вообще... Старик перебивает, махнув рукой в направлении мужиков: – Все равно ведь подохнут, а так хоть польза какая-никакая [4, с. 105].*

Центральной, вершинной темой, задающей направление развертывания других содержательных компонентов диалектной речи, является тема трудной жизни, приведем пример из говора: *а б'ез мамы ишб' хуже / двацат'у годбв замужу вышла / а двацат'у ч'етыр'ох ум'ерла / и вот нас остало' двою / вот мн'е было тр'и года / а с'естры гот и с'ем' / маму похорон'ила / иа в майе хорон'ила / а в ий'ун'е уже жен'илс'е / прив'оз жэни'ину и с р'еб'онком / мал'чик был / ну и фс'ево хват'ил'и / фс'аково гор'а / д'ев'атнацат' годбф прожыл'и с этой с'мач'ехой / да двацат' д'ев'ат' жыл'и врос' под одной крышей / ужас один // но н'е л'ен'ивайа / это штоб уш' это фс'о таскал'и-таскал'и / и д'елал'и-д'елал'и / работал'и-работал'и / н'е покладайа с'ил / штобы фс'о работал'и (с. Нёнокса Приморского района Архангельской области). Детерминантный характер темы трудной жизни хорошо улавливается художественным текстом: *Не могу дома-то жить. Всюю ноченьку глаз не сомкнула. Все вспомнила, по всей жизни проилась. И как у отца с матерю в бедности вырастала, и как в колхозе робила, и как войну пережили. Три похоронки на одном году пришло –**

каково, думаешь, мне было? – на Петю, на Владимира, на Павла – и все в сорок пятом году. Вот как война-то нас шарахнула напоследок [1, с. 483] – это всего лишь небольшой фрагмент рассказа Ф. Абрамова «Надежда», имеющего форму воспоминания-исповеди, в целом показательного с точки зрения содержательно-концептуальной значимости развития темы трудной, порой невыносимой, жизни крестьян.

И в живой диалектной речи, и, безусловно, в художественном тексте наблюдается тематическое наложение, предопределенное, с одной стороны, близостью или событийной соотнесенностью тем, с другой – коммуникативно-интенциональными установками говорящего или создателя текста. В качестве иллюстрации приведем небольшой фрагмент текста А. Ларионова: *У Федоры Степановны был педагогический дар, когда ей об этом говорили ребята, она улыбалась: «Такой порядок был у нас в доме, у моего отца и у дядюшки Вали. А робяшей в двух половинах дома было столько же, сколько вас в бригаде!». «Неужели двадцать?» – дивились ребята. «Да не меньше, никак не меньше, – отвечала она. – Только уж теперь-то, считайте, и доброй половины нет. Кого война выловила, кого болезни, а сколько мужиков опять же и пьянка сгубила. Мало, ребятаки, стало радости в жизни, нельзя же весь век горемыкой жить, все будто ты у кого-то в услужении. А тебе день и ночь барабанят – ты хозяин всего! А чего хозяин-то?! По бабьему уму – все плохо у нас, а какво по мужскому... То-то задумаешься, затоскуешь и замаешься маемой непроходящей... У начальства одни обещания да требования, какая-то словесная мельница. Слова жуют да выплевывают. А добра как не было, так и нет» [8, с. 17].* Этот фрагмент романа выстроен в коммуникативном режиме и представляет собой художественный вариант диалектного микротекста, в нем на разных уровнях (лексическом, фразовом, модальном) взаимодействуют темы крестьянского быта, многодетной семьи, трудной жизни, лишений, войны, пьянства, внутренней неудовлетворенности внешними обстоятельствами.

Речь героев-диалектоносителей представляет собой плод писательского творчества, но она не может не иметь под собой реальной основы. Не случайно включение элементов диалектной речи в художественный текст при определенном понимании расценивается как «разновидность контакта между диалектной и литературной формами русского языка»: «содержащий диалектные фрагменты текст, будучи опубликован, делает контакт диалекта и литературного языка в виде сосуществования их элементов на одной плоскости частью языкового опыта каждого читателя текста на протяжении любого временного отрезка от момента его публикации. Читатель поставлен перед необходимостью принять языковой менталитет автора в том его виде, как он отражен в тексте» [7, с. 59].

Диалектная речь представлена в художественном тексте системой диалектизмов, в числе которых, как мы полагаем, можно рассматривать и тематическую направленность диалектной речи или ее фрагментов в качестве диалектизма особого типа, относящегося к дискурсивно-содержательному (или дискурсивно-тематическому) уровню. Тематические диалектизмы, как и все остальные, с одной стороны, соотносятся с элементами живой народной речи, с другой – функционируют в иных условиях, в условиях литературного текста, подчиняясь его эстетическим установкам. Соответственно, их содержательно-прагматическая природа существенно усложняется: диалектизмы органично включаются в систему средств создания текстовой (индивидуально-авторской) картины мира, которая (притом, что она, безусловно, имеет и наддиалектный характер) специфическим образом высвечивает константы диалектной картины мира. Рассматриваемые нами диалектизмы дискурсивно-тематического уровня попадают в поле пересечения, взаимодействия этих двух векторов мировидения.

Перспектива исследования видится в уточнении рядов ситуативных тем диалектной речи, получающих художественную интерпретацию, в определении характера их дискурсивной значимости, установлении лингвистических и внеязыковых факторов территориальной варьируемости общих для русского диалектного дискурса тем, описании способов художественного освоения этой варьируемости.

Список литературы

1. Абрамов Ф. А. Деревянные кони: повести, рассказы. М.: Эксмо, 2005. 560 с.
2. Белов В. И. Медовый месяц: повести. Вологда: Полиграфист, 2000. 69 с.
3. Бернштам Т. А. Молодость в символизме переходных обрядов восточных славян: учение и опыт церкви в народном христианстве. СПб.: Петербургское востоковедение, 2000. 400 с.
4. Вильк Мариуш. Волок / пер. с польск. И. Адельгейм. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2008. 248 с.
5. Гольдин В. Е. Развитие русской диалектной речи как особого типа речевой культуры // Русский язык: исторические судьбы и современность: труды и материалы Международного конгресса русистов-исследователей. М.: Московский университет, 2001. С. 65-66.
6. Иванов В. В. Диалектная речь в художественном тексте (к постановке проблемы) // Материалы и исследования по русской диалектологии. / отв. ред. Л. Л. Касаткин. М.: Наука, 2004. Вып. II (VIII). С. 459-471.
7. Калнынь Л. Э. Включение диалектизмов в художественный текст как разновидность контакта между диалектной и литературной формами русского языка // Вопросы языкознания. 1998. № 6. С. 58-67.
8. Ларионов А. В. Раскаянье: роман. М.: Советский писатель, 2000. 432 с.
9. Ленингрэн Т. П. Русская речь в ее крестьянском варианте: заметки о прозе Ф. Абрамова // Полярный вестник. Сообщения кафедры русского языка Университета Тромсё. 1998. № 1. С. 80-96.
10. Пришвин М. М. За волшебным колобокком: повести. М.: Московский рабочий, 1984. 415 с.
11. Скимич Б. От диалектного к этнодиалектному тексту // Вопросы региональной лингвистики: сб. научных трудов. Волгоград, 2002. С. 30-40.

THEMATIC DOMINANTS OF NORTH RUSSIAN DIALECTAL SPEECH IN LITERARY-ARTISTIC IDEA

Savelova Lyubov' Anatol'evna, Doctor in Philology, Associate Professor

Classical Institute of Branch of North (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov in Severodvinsk
savelova.lub@yandex.ru

The author presents the idea of thematic dominant, forming the factual level of dialectal speech, and substantiates the possibility of discursive-thematic dialecticisms revelation in literary text. They are simultaneously correlated with the elements of live folk speech and subordinate to author's aesthetic attitudes that determines the specificity of their content-pragmatic nature. These dialecticisms are organically included into the field of interaction between two vectors of worldview, as part of the system of means for the creation of individual-authorial picture of the world, which displays in a specific way the constants of dialectal picture of the world.

Key words and phrases: Russian language; dialectal speech; thematic dominant; literary text; discursive-thematic dialecticism.

УДК 81

Филологические науки

Статья раскрывает содержание понятия «конфессиональная языковая личность» посредством теоретического анализа философских, психологических, культурологических, религиоведческих и филологических исследований, направленных на изучение личности в целом, языковой личности как человека говорящего и религиозной личности с ее когнитивно-коммуникативными особенностями социального взаимодействия. Основной акцент автор делает на актуальности исследования конфессиональной языковой личности в гуманитарной науке, обусловленной социальными процессами в современном обществе и лингвистическими проблемами исследования профессионального деятеля.

Ключевые слова и фразы: лингвоперсонология; конфессиональная языковая личность; религиозная личность; концепт; структура языковой личности.

Салахова Аделина Гюль-Балаевна, к. филол. н.

Челябинский государственный университет
adelina-salakhova@yandex.ru

КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ[©]

*Работа выполнена при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда, грант № 12-04-00045.*

Современная лингвистическая наука исследует все грани и сферы общественной жизни. Однако в центре внимания по-прежнему остается человек с его особенностями мировоззрения, мышления, коммуникативной и трудовой деятельности. В последнее десятилетие возрос интерес к исследованию профессионального деятеля как носителя определенной культуры, как коммуницирующего субъекта в конкретной социальной среде, как пользователя определенного субъязыка. На это указывает ряд работ, выполненных в русле когнитивной лингвистики и лингвокультурологии [1; 6; 7; 8; 13; 15; 17; 24]. Наличие огромного количества исследований, в центре которых находится языковая личность, обусловило появление отдельного направления в современной лингвистике – лингвоперсонологии, имеющей свой объект и предмет исследования, разрабатывающей свою гипотезу, преследующей свои цели и использующей свою методологию исследования [1]. Данные исследования направлены не только на характеристику коллективной (модельной, по определению В. И. Карасика) профессиональной языковой личности, владеющей профессиональным языком, профессиональным тезаурусом и следующей стереотипам профессионального поведения, но и на дальнейшую дифференциацию в процессе лингвокогнитивного моделирования профессионального деятеля, связанную с описанием этно- и социоспецифических характеристик языкового поведения данной профессиональной языковой личности [3].

С другой стороны, проблема исследования личности давно разрабатывается в смежных с лингвистикой науках. Так, в психологии существует отдельное направление исследований, посвященное изучению психологических типов – теории личности. В данном направлении исследования основываются на психологических особенностях различных групп людей в зависимости от их психо-эмоциональной сферы, развития высших психических функций и т.д. Начиная с З. Фрейда и заканчивая соционическими исследованиями, психологи предпринимают попытки изучения, классификации и типизации поведенческих стереотипов различных людей, избирая разнообразные критерии для своих классификаций. Так, исследованиям структуры личности посвящены труды А. В. Петровского [20], Л. Н. Собчик [25], Т. Н. Сергиной [23] и др. Объектом другого направления психологических исследований, направленных на изучение типов личностей, является стиль мышления, в основе которого лежат доминирующие функции. Это исследования А. А. Алексеева и Л. А. Громовой [2], А. К. Белоусовой, В. И. Пищик [4]. Именно на основе таких психологических исследований лингвисты